

КУЛЬТУРНЫЙ
СЛОЙ

ПЕТР МЕРКУРЬЕВ

*Ирина
Мейерхольд
и Василий
Меркурьев*

Москва

издательство
РОДИНА

2023

ББК 85.53(2)

УДК 82-94

М 52

Меркурьев П.

М 52 Ирина Мейерхольд и Василий Меркурьев. – М.:
Родина, 2023. – 368 с. – Издание 2-е, исправленное.
– (Культурный слой).

ISBN 978-5-00180-284-6

Музыковед и актер Петр Меркурьев написал книгу о своих родителях — выдающемся актере Василии Васильевиче Меркурьеве, матери Ирине Всеволодовне Мейерхольд — и своем знаменитом деде — Всеволоде Эмильевиче Мейерхольде. В книге немало портретов и других выдающихся актеров и режиссеров, с которыми работал и дружил Вас Васич, как его любовно звали близкие.

ББК 85.53(2)

УДК 82-94

© Меркурьев П., 2023

ISBN 978-5-00180-284-6

© ООО «Издательство Родина»,
2023

РОДИТЕЛЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ

Отца и мать не выбирают. Но предложи мне выбрать родителей, то около своих я остановился бы с завистью и сказал: «Нет, эти не по мне! Слишком хороши!»

Отец... Охватить его личность единым взором так же невозможно, как, например, Исаакиевский собор, — столько в меркурьевской натуре, в этой глыбе полутонов, столько красок.

Об отце написано немало статей, есть две книги, посвященные его творчеству. Но даже если все это собрать, сложить, как камешки смальты, то все равно точного портрета не получится: в каком-то месте будут выпирать цвета, не свойственные натуре Меркурьева — автор этого «камушка» не с той стороны взглянул на грань; какая-то краска окажется слишком яркой — автору не хватило «полутонов» в палитре.

Можно пойти по другому пути — вспомнить роли, сыгранные Меркурьевым в театре и кино. Ведь он, как никто другой, был так достоверен, так органичен, что казалось, будто в каждой роли играет себя!

Но Меркурьев — не Нестратов из «Верных друзей», не Мальволио из «Двенадцатой ночи», не Архитектор из «Позднего ребенка», не Прибытков из «Последней жертвы», не Грознов из «Правда — хорошо, а счастье лучше», не Туча из «Небесного тихохода» и даже не Бурцев из «Пока бьется сердце», хотя этот образ наиболее близок его натуре.

Даже его друзья, даже его семья — мы все, которые тормозили, конечно же, развитие этого гигантского художнического таланта, — мы все не понимали по-настоящему Меркурьева. Мы были той телегой, в которую

впрягли прекрасного иноходца, уделом которого был бег свободный по степям бескрайним, и чтобы бегом этим восхищались и наслаждались. Бог мой, как же мы виноваты перед ним, что только к концу жизни его стали осознавать, рядом с кем мы живем!

А он это терпел. Не жаловался, не кричал, не предъявлял претензий, не уходил из семьи, а только вздыхал. По ночам. Когда никто не слышит. Спал он очень мало — четыре часа ночью, иногда — час-полтора днем, если удавалось. Засыпал сразу, как ребенок. Мне рассказывал Олег Стриженов, что на съемках фильма «Переключка» Меркурьев засыпал в павильоне после репетиции, пока операторы устанавливают свет, и просыпался ровно за пять секунд до того, как оператор говорил: «Мы готовы». И этих минут сна ему было достаточно, чтобы восстановить силы, а пяти секунд до команды — чтобы стряхнуть сон.

Работал он, можно сказать, круглосуточно. Но при этом к нему всегда можно было обратиться с любым вопросом, завести любой разговор — и он ничем не выражал недовольствия, что его отвлекли. Наоборот, с удовольствием поддерживал беседу, слушал. Потом, когда чувствовал, что тема практически исчерпана, вдруг говорил:

— Послушай, вот тут мой герой, он дед. У него внучка есть. Он сидит у себя в кабинете, занимается делами завода. А я придумал одну вещь: я под столом буду кормить ежа, которого достал для внучки.

— Папа, я читал сценарий — там про внучку и ежа ничего не сказано.

— В том-то и дело! Вот я и хочу его очеловечить.

А герой-то этот всего и присутствует в одной сцене фильма...

Отец никогда и никуда не опаздывал. «Самый кошмарный сон в моей жизни — это когда уже дали гонг, идет занавес, а меня еще нет в театре».

Почему мне трудно писать о Меркурьеве? Трудно писать об отце? Нет, об отце писать не трудно. Но дело как раз в том, что как бы ни старался я осветить «эту сторо-

Папа, мама, Катюша и я.
1962 год.

ну» Меркурьева, она станет не более чем слагаемым удивительной личности, огромность и монолитность которой все сильнее и сильнее ощущаешь с течением времени.

С того момента, как 16 мая 1978 года в последний раз для Меркурьева опустился тяжелый занавес Александринского театра, прошло много лет. И за все эти годы я ни разу не ощущал «боль утраты». Мне говорили, что ощущение это придет потом. Но когда — «потом»?

Я ощущаю сокрушение от того, что не увижу Меркурьева на сцене в новых ролях, но не ощущаю *личной* потери. Я вспоминаю многие проявления Меркурьева в бытовых ситуациях, в общении с людьми, но не сокрушаюсь, что этого больше не будет.

Последние годы по телевидению, радио довольно часто передают меркурьевские работы; время от времени публикуются статьи-воспоминания о нем. Все эти новые встречи Меркурьева с выросшим уже после его смерти поколением приносят радость эстетического, морально-этического и нравственного характера, но ничуть не задевают «личные» ощущения. Смотря по телевидению спектакли и фильмы с его участием, я не ощущаю того, что это мой отец. Я воспринимаю АРТИСТА, и чем дальше, тем больше преклоняюсь перед личностью ТВОРЦА.

В жизни отец был человеком немногословным. Его речь не отличалась «цветистостью», но все, что он говорил, было очень образно и всегда абсолютно искренне.

Он мало писал писем. Только отвечал зрителям и всегда поздравлял друзей и близких с праздниками. Причем эти коротенькие поздравления отличались оригинальностью — всем адресатам он писал разное (у него был составлен список, кого не забыть поздравить). Побудить написать кому-то письмо его могло только какое-то событие, оставившее в душе след. Так он написал огромное письмо Г. Н. Бояджиеву (с которым, кстати, никогда не был знаком) после прочтения книги о Мольере. Или Л. В. Варпаховскому, будучи глубоко взволнованным спектаклем «Обоз второго разряда» в Московском театре име-

ни Ермоловой. (Сохранились ли эти письма? Увы, ни Георгия Нерсесовича, ни Леонида Викторовича уже давно нет в живых).

Статей отец почти не писал (все статьи, опубликованные в разных изданиях, являют собой переработанные интервью с ним — отсюда такая их стилистическая неровность). И, уж конечно, не писал он мемуаров. Но остались после него драгоценные «книжечки» (он так их называл). Это обычные книжки-календари с алфавитом для телефонов и страничками для календарных записей: разворот — на неделю. Книжечка удобно помещалась во внутренний карман пиджака и была с отцом всегда и везде. Причем, приобретая в конце каждого года такую книжечку, отец переписывал из предыдущей все телефоны, адреса. Тратил на это немало часов из своих бессонных ночей, а предыдущая книжечка занимала свое место в ящике его прикроватной тумбочки. Мама очень ревниво относилась к этим его «кондуитам»: «Что ты там записываешь? Сколько щучек поймал, сколько лещей?» Отец отмалчивался. Но эти книжечки стали его своеобразным дневником. Будучи человеком исключительно пунктуальным, он делал записи ежедневно, не пропуская ни одного дня.

Записи в этих дневниках разные. Бывали дни, когда Меркурьев помечал только расписание: 9-00 — укол инсулина, 10-00 — репетиция в театре, 14-00 — встреча в исполнении по поводу квартиры для актрисы Ефимовой, 16-00 — урок в институте, вечером — «П. Ж.» (спектакль «Последняя жертва»), или «С. В.» («Сын века»), или «Чти» («Чти отца своего») и т.д.. В других случаях встречаются цифры — это или расходы, или данные анализов (отец был диабетиком и регулярно делал анализы крови на сахар), или температура, давление. (Но это только тогда, когда чувствовал себя плохо. Надо сказать, что он был очень аккуратен и как пациент: все лекарства принимал точно по часам — и это тоже отмечал в книжечке).

Привычка вести такой дневник выработалась у него давно. Постепенно записи становились более подробны-

ми. А в последние годы записи расписания, температуры дополнялись краткими, односложными впечатлениями о встречах или о просмотренных фильмах, спектаклях.

Много в этих книжечках сугубо личного. Трудная у нас была семья! Народу много, у всех характеры нелегкие. И как он переживал все наши неурядицы, а зачастую — то, как бездарно мы убиваем время. А в других случаях приятно прочитать его радостный, порой отмеченный тремя «!!!» отзыв о каком-то успехе каждого из нас: о защите Анной диссертации, об удачно сыгранной Женей роли, ну и, конечно же, о маме — о его любимой Иришечке, с которой прожил он 44 трудных года, но которую обожал! Здесь слово «обожал» вполне применимо в первоначальном его значении — «обожествлял».

А его записи, сделанные на даче! Боже, как же он радовался каждой яблоньке, каждому цветку, посаженным своими руками, или руками близких ему людей (не обязательно родственников — приезжали друзья, ученики, поклонники, кто-то иногда привозил саженцы, а папа потом трепетно следил за новым «жильцом» дачной флоры). Когда цветы или деревья распускались, он говорил: «Ви-дишь, как они благодарят».

После смерти отца я развернул «кампанию» по созданию книги о нем: написал десятки писем его друзьям, коллегам, ученикам. Многие откликнулись сразу (это драматург Леонид Зорин, актеры Любовь Соколова, Павел Кадочников, Игорь Ильинский, режиссеры Александр Зархи, Герберт Раппопорт, любимые ученицы отца Марина Неелова и Хадиша Букеева, ученики Игорь Владимиров, Михаил Львов, коллеги по Александринской сцене Ольга Лебзак, Галина Карелина, Нина Мамаева, Игорь Горбачев, друг и коллега по театральному институту профессор Зинаида Савкова). Параллельно с моей «организаторской» работой театровед Л. С. Данилова начала практическое осуществление издания книги. Была еще жива мама. К ней добровольно «прикрепился» страстный поклонник классического искусства, наборщик одной из ле-